

ПОСЕЛЕНИЕ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В с. САБАТИНОВКЕ НА Ю. БУГЕ¹

Наша страна велика и возможности ее неисчерпаемы во всех отношениях, неисчерпаемы они и в археологическом отношении и, в особенности, в отношении изучения так называемой Трипольской культуры.

Естественно, поэтому, что советской археологии принадлежит будущее в отношении правильного решения и этого вопроса, так как единственно правильный метод работы, метод Марксо-Ленино-Сталинской науки, метод диалектический, только один может дать вполне правильные и вполне определенные на это ответы. И именно на наших материалах, имеющих колоссальное научное значение, и можно разрешить этот вопрос.

Мы должны обратить особенное внимание на изучение так называемой Трипольской культуры и в ближайшее время поставить вопрос и о ее генезисе, и о дальнейшем развитии в условиях не только нашей родины, но и в условиях всех мест ее нахождения.

Так называемая Трипольская культура, открытая Хвойко В.В. еще в 1889 г.², интересует весь мир. И это вполне понятно, потому, что территория распространения этой культуры с каждым годом все более и более расширяется, накапливаются все новые и новые материалы. Остатки этой культуры обнаруживаются на громадной площади от Днестра по направлению к Дунаю и Балканскому полуострову. В последние времена они обнаружены и по берегам Северного Причерноморья. Уже более сорока лет наши и заграничные ученые изучают этот вопрос, но только советским ученым и только в самое последнее время удалось установить, что так называемые площадки есть не что иное, как остатки жилищ, вопреки мнениям, что это погребальные сооружения или культовые места.³

Раскопками последних лет в с. Халепье удалось даже точно выяснить и план расположения всего поселения, а в этом году и структуру самого жилища с двухскатной крышей.⁴

Характерной особенностью этой культуры считается наличие так называемых глинобитных площадок, расписной посуды и земледелия.

Всех интересует вопрос о генезисе этой культуры, но сейчас настало уже время, когда можно поставить и другой вопрос, именно вопрос о том, какое культурное явление можно считать непосредственно следовавшим за Трипольской культурой, выросшим из нее, т.е. какую культуру, в пределах распространения этой культуры, можно считать ее восприемницей.

К сожалению, так называемые трипольские площадки являются всегда удивительно изолированными в отношении залегания в почве. Целые поселения из таких площадок открыты и у нас, в СССР, и за границей, но все эти площадки представляют собою совершенно отдельные комплексы находок, ограниченные определенным уровнем залегания и, ни разу не было случая, чтобы такие площадки можно было увязать стратиграфически с остатками иных времен. Обыкновенно, при раскопках открывают целые группы площадок (в виде поселений), на их поверхности и вокруг находят различные предметы, но все эти находки узко ограничиваются только самой площадкой.

Еще Хвойко В.В., на основании анализа своих находок, разделил их на два этапа (хронологические): на культуру А и В. Это деление, между прочим, и по сей день принято в науке и не потеряло своего значения.⁵

Не так давно Пассек Т.С. в своей работе *La céramique tripolienne* попыталась, главным образом, на основании различия в орнаменте выделить определенные группы керамики, хронологически различные, и дала карту распространения каждой группы (Passek 1935).

Эти данные говорят о том, что, конечно, Трипольская культура не была чем-то хронологически ограниченным, а, несомненно, имела свою историю, т.е. возникла на базе какой-то более древней культуры, развивалась и, наконец, переросла в какую-то иную культуру на территории своего распространения.

До сих пор никакой увязки Трипольской культуры ни с предшествующими культурами (или культурой), ни с последующими сделать нельзя было⁶.

Раскопки селища трипольского типа в с. Сабатиновке дали новую картину залегания Трипольской культуры. Здесь глинобитные площадки увязываются с мощным общим слоем селища толщиной в 2,0 метра, здесь и самые площадки найдены на различных горизонтах этого слоя.

Село Сабатиновка, Грушковского района, Одесской области, расположено по обоим берегам реки Синицы у самого впадения ее в р. Буг (южный). Синица представляет собою незначительный приток Буга, весьма мелководный, шириною всего в несколько метров. По обоим берегам ее на всем протяжении и, даже при самом впадении в Буг, имеются заливные небольшие терраски, весьма пригодные для мотыжного земледелия.

Левый берег Буга у впадения Синицы оборван весенними разливами, так как в этом месте он делает изгиб по направлению к юго-востоку. Правый берег Синицы у самого впадения в Буг постепенно поднимается по направлению к З[ападу] и на расстоянии приблизительно 100 метров переходит в ровную площадку, сливаясь с берегом Буга (Рис. 1).

Далее, берег изгибается к С[еверу], образуя сверху излучину, а внизу образует пойменную террасу, довольно значительных размеров, также весьма пригодную для мотыжного земледелия. В том месте, где берег представляет собой ровную площадку, верхнюю часть, до глубины 1,2 м, заполняет чернозем, который книзу становится все более и более песчаным. Его подстилает эоловый лесс толщиной до двух метров, его в свою очередь подстилает тонкая песчаная прослойка, ниже которой уже располагаются суглинистые почвы горизонтального наслоения. По направлению к Синице лесс выклинивается и на расстоянии около 60 м совершенно исчезает. Нужно думать, что в этом месте он был смыт Синицей. В то же время эта образовавшаяся западина, в направлении Синицы, сейчас оказывается заполненной черноземом гораздо большей мощности, чем это можно наблюдать на ровной площадке. Это увеличение толщи чернозема в этом месте можно лучше всего объяснить намывами со стороны более высоких мест площадки.

Остатки селища трипольского типа были обнаружены колхозником Чубом С.И. в 1928 г., когда он, осматривая после большого весеннего половодья оборванный берег Буга, обнаружил в нем кости животных, фрагменты сосудов и роговую мотык[г]у.

Будучи связанным по археологической работе в те времена с Первомайским музеем, Чуб С.И. все эти находки и передал в этот музей, который в 1932 г. сделал в этом месте пробные раскопки, давшие интересный результат.

В 1938 и 1939 гг. раскопки селища в с. Сабатиновке производились уже Одесским историко-археологическим музеем (рис. 2–3).

Культурный слой здесь заполняет всю толщу чернозема, начинаясь в самых нижних горизонтах, и прекращается на глубине около 0,60 м от нынешней поверхности, причем прослеживается от самой Синицы до излучины берега Буга по направлению к З[ападу]. К С[еверу] культурный слой прослеживается на значительном расстоянии, простираясь от берега Буга по берегу Синицы вглубь мыса, образуемого Бугом и Синицей.

В самых верхних горизонтах чернозема попадаются и остатки поздних времен вплоть до времени самой Сабатиновки, причем различные, хозяйственного назначения, ямы давних жителей Сабатиновки во многих местах прорезывают слой чернозема на площади селища, они впоследствии были засыпаны различными отбросами (зола, фрагменты сосудов и т.п.). Значительное разрушение целостности культурного слоя произведено и сусликами, кротовины которых в громадном количестве прорезывают не только черноземный слой, но и подпочву.

Несмотря на это, все же культурный слой сохранился в достаточной степени и на значительном пространстве *in situ*, что дает возможность иметь правильное суждение о его характере.

Культурные остатки залегают в черноземе по вертикали непрерывно, начинаясь от самой нижней части чернозема и продолжаясь вплоть до высоты 0,60 м от нынешней поверхности, выше которой они уже не встречаются *in situ*. В горизонтальном отношении они располагаются в виде определенных скоплений, главным образом, вокруг остатков глинобитных полов жилищ, но также заполняют и остальное пространство территории селища, хотя и в значительно меньшем количестве. Таким образом, несомненно, что культурный слой нарастал здесь непрерывно в течение очень долгого времени. Об этом весьма красноречиво говорят остатки глинобитных сооружений, найденные на различных горизонтах даже в одном раскопе и, особенно, скопления культурных остатков, встречающиеся на самых различных горизонтах слоя.

Факт нахождения культурных остатков в самом низу чернозема, на границе с подпочвой, говорит о том, что это место было заселено в то время, когда здесь чернозем только начинал образовываться, а принимая во внимание толщину черноземного слоя (даже на ровной площадке доходящую до 1,2 м), нужно думать, что селище это просуществовало весьма значительное время.⁷

Насыщенность культурного слоя по вертикали в различных горизонтах не одинакова: так, например, часть слоя в границах 0,90–1,1 м является насыщенной большим количеством крупных обломков костей домашних животных, каковые, кроме того, часто представляют собой еще и местные скопления, в то время как слой в пределах горизонтов 1,80–2,10 м является наиболее насыщенным фрагментами сосудов.

Весьма интересен и тот факт, что костный материал постепенно увеличиваясь в количестве до горизонта 1,1–0,9 м, выше начинает сильно убывать. Керамический материал уменьшается в количестве как вниз, так и вверх от горизонта максимального скопления. Это явление наблюдается по всей площади селища.

В одном месте селища, в самых нижних горизонтах, было обнаружено скопление створок ракушек *unio*, насыщенное культурными остатками. Это скопление имело форму валика, шириной до метра и высотой до 0,5 м, оно тянулось от берега реки по направлению вглубь террасы метров на десять. Это скопление створок раку-

шек залегало почти уже на самой подпочве и, таким образом, должно быть отнесено к древнейшим наслоениям этого селища. Вокруг этого скопления, ближе к реке, было обнаружено, сравнительно на небольшой площади, также и много кремневого материала в виде готовых орудий и отбросов производства, чего не наблюдалось в иных местах селища.

Очевидно, это скопление ракушек и кремни необходимо отнести к наиболее ранней стадии развития здесь этого селища, имевшего в то время вид еще стоянки неолитических времен, скорее всего еще рыболовческого характера в основном, из которого в дальнейшем, весьма возможно, и выросло уже земледельческое селище трипольского типа с площадками. Как раз над северо-западным концом этого скопления, непосредственно на нем, были открыты и остатки нижней площадки.

По количеству находок первое место занимают обломки костей животных. Здесь найдены: кости быка среднего и малого роста (*bos taurus u bos taurus brachiceros*), несколько обломков быка рослого (*bos taurus primigenius*) и тура (*bos primigenius*), низкорослой лошади типа курганной (*equus caballus*), свиньи дикой (*sus scrofa ferra*) и домашней (*sus scrofa domestica*), оленя (*cervus elaphus*), овцы (*ovis aries*), косули (*caprleocus–caprleocus*), медведя (*ursus arctos*), лося (*alces–alces*), кости собак различных типов (*Canis matris optime*, *Canis inostranzewi*, *Canis palustris Ladogensis*), кошки (*felis silvestris*), бобра (*castor fiber*), барсука (*meles–meles*), куницы (*artes–artes*) и различных пород рыб и щитки речной черепахи (*emis orbicularis*)*.

Наибольшее количество костей животных в более высоких горизонтах падает на долю быка, затем лошади, овцы и домашней свиньи. Кости диких животных распределяются в более глубоких горизонтах, хотя в этих же горизонтах, в преобладающем количестве над костями диких животных, находятся и кости животных домашних.

Это может говорить лишь о том, что сабастиновский трипольчанин издревле занимался приселищным скотоводством, хотя охота, в более ранний период пребывания здесь трипольчан, в хозяйственном отношении играла довольно значительную роль.

К концу существования селища охота совершенно исчезает, в то время как приселищное скотоводство достигает наибольшего развития ко времени отложения слоя в границах 1,10–0,90 м, после чего как-то сразу сокращается в размерах, возможно, в силу изменения условий ведения хозяйства, выразившегося первоначально в отрыве стада от селища с превращением его в кочевое состояние с последующим изменением и всего характера поселения в целом.

Что основным занятием сабастиновских трипольчан было земледелие – об этом ясно говорят находки обломков зернотерок, растиральные камни, мотыки из рога оленя и серпы из костей животных.

Весьма характерным является и то, что здесь земледельческие орудия в наибольшем количестве найдены именно в нижних горизонтах, в то время как к верхним они постепенно уменьшаются в количестве.

Остатки собаки (*Canis palustris Ladogensis*), найденные в нижних горизонтах культурного слоя, А.А. Браунер склонен отнести к типу собаки охотничьей, в то время как остатки собаки, найденные в верхних горизонтах (*Canis matris optime*), тот

* Кости животных определены профессором А.А. Браунером.

же А.А. Браунер относит к типу собаки сторожевой. А это весьма, конечно, интересно.

Вне всякого сомнения, что в более ранние времена, судя по находкам костей, охота играла значительную роль у поселенцев сабагиновского селища и весьма интересно, что именно к этому периоду относятся и остатки костей собаки охотничьего типа.

Все развивающееся приселищное стадо, в наиболее поздние времена существования здесь селища, разрослось до громадных размеров, стадо требовало охраны от хищников, и мы видим появление собаки уже иного типа, а именно – сторожевого типа. Это явление весьма характерное и интересное.

Керамическое искусство этого селища было весьма развито – оно представляется двумя видами сосудов и обломками женских фигурок.

По количеству, на первом месте стоит простая сероглиняная посуда, сделанная из специально приготовленной смеси. Это или глина со специальной добавкой толченых ракушек или же глина с песком, в котором попадают мельчайшие зернышки кварца. Посуда эта сделана вся примитивным способом, т.е. от руки, без гончарного круга, обожжена также примитивно – на открытом огне. Но рядом с этого сорта посудой встречается и посуда расписная из желтой, хорошо подобранной глины, хотя сделанная также без гончарного круга, но прекрасно обожженная, несомненно, в специальных печах (рис. 4, 8, 12).

Соотношение расписной желтоглиняной посуды к простой сероглиняной весьма невелико – это просто единичные экземпляры.

Орнаментальная техника различна в отношении той и другой посуды.

Орнаментальная техника сероглиняной посуды в основном заключалась в том, что штампик гребешковой формы (такой костяной штампик был найден в Сабатиновке) прикладывали к влажной еще стенке сосуда и на ней получались отпечатки его зубчиков – это так называемый гребенчатый орнамент (рис. 4, 2, 7).

Возможно, что гребенчатый орнамент наносили и специальными орнаментирами, каковые были найдены в Сабатиновке в количестве трех штук, они представляют собой обломки лопаток животных со сделанными зубчиками по краю суставной поверхности. По тем же влажным стенкам сосуда проводили также косточкой неглубокие проглаженные бороздки – это бороздчатый орнамент.

Иногда эти бороздки бывают заполнены белой массой.

Собственно, эти два орнаментальные элемента являются основными для Сабатиновского селища, остальные – лишь дополнениями к ним.

Так называемый ямчатый орнамент состоял в том, что к влажной стенке сосуда прикладывали одиночный штампик той или иной формы (треугольной, круглой, эллипсовидной и т.п.), штампик оставлял на стенке сосуда определенной формы отпечаток. Этот орнамент достаточно обилен среди Сабатиновских находок.

Очень часто встречается еще и, так называемая каннелюра, т.е. проглаженные на стенке сосуда довольно широкие углубления, всегда лощеные, между которыми возвышался гребешок (рис. 4, 2, 7).

Довольно характерным орнаментальным элементом в Сабатиновском поселении являются также и соскообразные отростки, наклепанные на стенках сосуда и их разновидность – горошинки такой же техники (рис. 4, 9, 14).

Кроме того, уже при выделке сосудов иногда употреблялся один прием, который приходится отнести также к орнаментальной технике. Посредине внешней

поверхности сосудов делали горизонтально расположенные выпуклости, которые затем и орнаментировали. Сюда же следует отнести также и различной формы ручки и ушки для подвешивания сосудов.

Что касается орнаментальной техники расписной посуды, то здесь мы имеем почти исключительно бирюзовую роспись коричневой и красной краской, лишь изредка можно заметить подгрунтовку белой (ангоб) краской. Здесь необходимо еще заметить, что иногда и в сероглиняных сосудах определенные пространства между бороздчатыми углублениями, заполнялись красной краской или же стенки сосудов покрывались белой краской и снаружи, и внутри (рис. 4, 8, 12).

Среди сероглиняных сосудов можно различить два вида, резко отличающиеся один от другого. Это прежде всего, большие сосуды, сделанные очень неаккуратно, поверхность которых обыкновенно очень грубо и неопрятно обработана, или совсем не орнаментированные, или же орнаментированные в один или несколько опоясывающих рядков исключительно ямчатыми элементами. Очевидно, это была обыкновенная кухонная посуда (рис. 4, 12).

Другой вид – небольшие сосуды, очень аккуратно выделанные, тонкостенные, прекрасно, художественно орнаментированные гребенчатым или бороздчатым элементами, лишь изредка ямчатым в виде небольших круглых ямок, причем остальные элементы: ямчатые, соскообразные отростки, выпуклости и каннелюры здесь играют уже дополняющую, так сказать, второстепенную роль. Эти сосуды, очевидно, предназначались для личного употребления, а особенно изящные, может быть, имели и культовое значение (рис. 4, 1–13).

Весьма интересны орнаментальные мотивы. Интересно то, что определенные мотивы были присущи определенным орнаментальным элементам. Так, например, гребенчатому элементу обыкновенно присущи прямолинейные мотивы: рядки, зигзаги и т.п. В двух случаях криволинейный мотив в виде гирлянды, весьма характерный для бороздчатого элемента, был выполнен элементом гребенчатым. Лишь изредка можно увидеть криволинейный мотив.

Для бороздчатого элемента весьма характерными являются мотивы криволинейные, так же, как и для круглого ямчатого. Эти мотивы сложны и художественны: круги, концентрические круги, рядки, гирлянды, сочетание различных кривых линий и т.п.

Среди орнаментальных элементов Сабатиновского поселения особо выделяется валиковый и пальцевый, последний – как самостоятельно покрывающий сосуды, так и расположенный по валику.

Этот орнамент встречается во всех горизонтах, но он вообще малочислен и увеличивается количественно по направлению к верхним горизонтам⁸.

Важно здесь же отметить, что фрагменты сосудов, орнаментированные валиком и пальцевыми оттисками были находимы и в иных селищах трипольского типа, в частности и в с. Халепье.

Этот орнамент у нас на юге достаточно известен и прекрасно прослеживается, начиная от поздне-неолитических времен (Дурная скала на Днепре), в более развитом виде сопутствует явлениям палеометаллических времен и исчезает только в конце первого тысячелетия до нашей эры, встречаясь еще и в греческих колониях IV и III вв. до н.э.

Это явление весьма интересно потому, что в наших степях этот орнамент весьма характерен для культуры, которую мы называем «скифской».

Мотивы расписной керамики несложны – это в большинстве отвесные, довольно широкие полосы, чаще всего в две краски, иногда пересекающиеся под углом, покрывающие внешнюю поверхность сосуда. Случаются и криволинейные мотивы в виде кривых линий, эллипсовидных фигур, заполненных штриховкой и т.п.

Если сосуд имел широко раскрытое отверстие, тогда орнаментировалась и внутренняя поверхность сосуда на небольшом расстоянии от венчика.

Весьма интересен фрагмент верхней части сосуда, поверхность которого сплошь расписана коричневой краской в три тона криволинейными мотивами.

Женские глиняные фигурки, найденные только в обломках, относятся к типу плоских с бороздчатым орнаментом и только обломок одной из них относится к типу выпуклых (рис. 4, 11, 16).

Кремневый инвентарь характеризуется скребками кругловатых форм на концах пластинок, реже на небольших отщепках (рис. 4, 12). Затем идут более или менее грубые скребла, сделанные из отщепов, различные проколки и сверла на грубоватых пластинках. Встречены были и резцы на довольно грубых пластинках – боковой и два срединных.

Здесь же необходимо отметить, что кремневый инвентарь вообще на площади селища встречается не в большом количестве даже и в более глубоких горизонтах, хотя единичные экземпляры попадались и в самых верхних горизонтах культурного слоя.

Особенно большое количество кремней было найдено вокруг ракушечного скопления и в том же самом горизонте, где находилось это скопление. Здесь же были найдены и такие древние формы, как резцы.

Особую группу представляют кремневые стрелы, довольно хорошей двусторонней обработки, сделанные из отщепов. Все они треугольной формы, различной величины, начиная от весьма незначительных размеров и кончая довольно большими, каковые скорее следует уже считать дротиками (рис. 5, 9). Они весьма характерны для более глубоких горизонтов, хотя единичные экземпляры находились и в верхних горизонтах.

Что касается костяных изделий, то всю группу можно разделить на орудия: земледельческие, хозяйственные вообще и украшения. Было найдено шесть серпов, сделанных из лопаток животных, и один из ребра, пять мотык из рога оленя. Хозяйственную группу костяных орудий представляют шилья из расколотых трубчатых костей животных; ложила; заостренные и просверленные для подвешивания клыки кабана, каковые могли служить орнаментами для нанесения бороздчатого орнамента; орнамент гребенчатой формы, сделанный из обломка клыка кабана и т.п. (рис. 5, 1–8).

К группе украшений относятся: обломок браслета из кости животного (рис. 5, 2), обломок булавки с двумя утолщениями (рис. 5, 1) и различные косточки, орнаментированные нарезками. Найдены были также просверленные кости и обломок костяного конька (рис. 5, 7–8). Необходимо упомянуть и о шлифовальных камнях, которые были найдены в Сабатиновском поселении – это куски песчаника с довольно глубокими углублениями угловой формы, где заостривались костяные шилья и т.п.

В Сабатиновском поселении были найдены также и четыре медные (?) шила и одна игла. Эти предметы говорят о том, что металл уже здесь был известен, но он еще, несомненно, импортного происхождения. К сожалению, эти вещи очень не

характерны и, потому, попытаться выяснить их происхождение сейчас невозможно. Химический анализ может, конечно, оказать нам в этом отношении некоторую помощь.

Из крупных каменных орудий были найдены хорошо ограненные каменные шлифованные клинья (тесла) правильной формы с лезвием, отточенным односторонне асимметрично (рис. 5, 16), а в верхнем горизонте – и обломок каменного топора-молотка, просверленного двусторонне-конично (рис. 5, 15).

Этот тип клиньев на юге СССР достаточно известен и относится к стадии перехода к сверленным орудиям. Двусторонне-коническое сверление наиболее древнее и заключалось в том, что полую костью сверлили орудие сперва до половины с одной стороны, затем сламывали стерженек и начинали сверлить с другой стороны. Отверстие получалось биконическое с сужением к середине.

Из стоянки на Дурной Скале (Надпорожье), где совершенно уже не было найдено клиньев не только примитивной формы эллипсоидного сечения, плохой обработки поверхностей с лезвием, подостренным односторонне (асимметрично), но даже и клиньев хорошей формы, ограненных, с односторонне подостренным лезвием (асимметричных) – известны только топоры-молотки, сверленные именно исключительно двусторонне-конично.

В то же самое время, например, стоянка на Собачках (Надпорожье) дала только примитивной формы клинья (асимметричные) при полном отсутствии не только сверленных орудий, но и ограненных клиньев (асимметричных), между тем в том же Надпорожье известна стоянка на Виноградном острове, которая в нижних слоях дала еще примитивной формы клинья, а в верхних и ограненные клинья хорошей формы и сверленные топоры-молотки двусторонне-конического сверления. Эта стоянка в основе своей хронологически занимает место между Собачками и Дурной Скалой, вернее, в своих нижних горизонтах хронологически одновременна с Собачками, в средней части представляет переходную стадию к Дурной Скале, а в верхних – хронологически одновременна с Дурной Скалой.

Сравнение материалов Виноградного острова с материалами Сабатиновского селища дает основание хронологически сопоставлять последние со средними горизонтами стоянки на Виноградном острове, но еще не с Дурной Скалой, где мы имеем и веревочный орнамент (какового совершенно еще нет в Сабатиновке) и вполне развитой пальцевый, который в Сабатиновке находится еще только в зачаточном состоянии.⁹

Весьма интересно и то, что на Виноградном острове можно проследить и зачатки примитивного земледелия (этому способствовали естественные условия острова), каковое для Сабатиновского селища является уже одной из главных основ хозяйственной деятельности, в то время как на Дурной Скале никаких признаков существования земледелия нельзя было установить. Поселенцы Дурной Скалы шли не путем земледельческого хозяйствования, а путем, очевидно, развития приселищного стада, которое в связи с рыболовством давало достаточную базу для питания. К этому они вынуждены были естественными условиями обитания.

Весьма интересно, что на площади раскопа 1939 года в суглинке, были обнаружены остатки палеолитических времен в виде прослоек красной краски и группы кремней коричневатого цвета, среди которых оказался один боковой резец и обломок пластины с косо ретушированным концом.¹⁰

Это явление весьма важное и интересное – оно говорит о том, что трипольчанин на сабаатиновских берегах не был первым поселенцем, что жизнь человеческая на этом месте началась гораздо раньше – еще во времена верхнего палеолита.

В окрестностях Сабаатиновки обнаружены и другие археологические памятники: в самой Сабаатиновке, несколько выше по правому берегу Синицы, обнаружено селище чисто трипольского типа с изолированными площадками, по-видимому, более позднее по времени.¹¹ Несколько ниже по Бугу, в с. Греновке, обнаружено селище типа, близкого к Сабаатиновскому.¹² Между с. Сабаатиновкой и Греновкой, на том же левом берегу Буга, в урочище Мельничная Круча, открыта неолитическая стоянка типа Собачек на Днестре, относящаяся к одной из ранних стадий развития поздне-неолитических явлений в наших степях, здесь же был найден и неолитический челн, хранящийся в Ленинграде.¹³

Все это говорит о том, что жизнь здесь, в окрестностях с. Сабаатиновки, начавшись еще в верхне-палеолитические времена, развивалась и в своем развитии прошла, вне всякого сомнения, и стадию сабаатиновского селища и переросла в иную культуру, каковая здесь, в этой местности, пока проявилась сосудами громадных размеров с валиковым и пальцевым орнаментом; эти сосуды были найдены в количестве восьми штук в одном месте на том же левом берегу Буга, между Мельничной Кручей и с. Греновкой, возле Красного Озера.¹⁴

Окрестности с. Сабаатиновки в отношении установления генезиса трипольской культуры, а также и постановки вопроса о том, какую культуру в наших степях мы должны считать восприемницей трипольской культуры – приобретают громадное значение и требуют к себе наибольшего внимания со стороны советских археологов.

Автограф А.В. Добровольского «Читал к печати статью «Поселение трипольской культуры в с. Сабаатиновка на Ю. Буге». 24/VII-41 г. Личная подпись.

Примечания

к статье А.В. Добровольского «Поселение трипольской культуры в с. Сабаатиновка на Ю. Буге» [1941] составлены: Д.В. Киосак, Л.Ю. Полищук

1. Поселение трипольской культуры в с. Сабаатиновка – поселение Сабаатиновка I было открыто местным жителем С.И. Чубом, о чем он сообщил в Первомайский окружной краеведческий музей (ПОКМ). 3 августа 1931 г. его осмотрел сотрудник БАЭ (Богской [Бугской] археологической экспедиции) К.П. Поликарпович (Козубовский 1933: 63–64).

В 1932 г. поселение раскапывалось ПОКМ под руководством П.В. Харламповича. Материалы этих раскопок опубликованы в известной работе Т.С. Пассек и стали частью ее основополагающей периодизации Триполья (Пассек 1949). Сами же коллекции были утрачены.

Экспедиция ОАМ работала на Сабаатиновке I двумя отрядами: под руководством Е.Ф. Лаговойской и А.В. Добровольского в 1938–1939 гг. Итогам этих работ и посвящена представленная статья, написанная для издания Одесского историко-археологического музея перед 1941 г.

В 1947 г. А.В. Добровольский, уже возглавляя Среднебугскую экспедицию Института археологии АН УССР, возобновил работы на поселении. В результате раскопок 1947 г. А.В. Добровольский значительно изменил свои взгляды на стратиграфию и характер поселения (Добровольский 1952). Если в статье 1941 г. на

памятнике был выделен лишь один культурный слой, отнесенный к трипольской культуре, то в 1952 г. автор уже четко различал два обитания на площади Сабатиновки I – трипольской культуры и эпохи поздней бронзы. В 1941 г. условия залегания материала не позволили стратиграфически различить эти два слоя. Соответственно, в приведенных последующих характеристиках находок, следует учитывать возможность «примеси» сабаатиновской культуры.

По-видимому, поэтому статья 1941 г. так и осталась неопубликованной. Тем не менее, в ней приводится описание хода работ и находок 1938–1939 гг., лишь отдельные из которых были охарактеризованы в публикации 1952 г. Кроме того, она отражает формирование взглядов А.В. Добровольского, как на отдельное поселение, так и на реконструкцию культурно-исторического процесса в энеолите в целом.

В 2011 году небольшие разведочные работы на памятнике провела Подольско-Причерноморская экспедиция ОАМ НАНУ (Киосак и др. 2012; Киосак та ін. 2012). Они позволили уточнить структуру памятника, определить расположение раскопов 1938–1947 гг. на местности.

Сабатиновка I (по ее верхнему культурному слою) стала эпонимной для одноименной культуры эпохи поздней бронзы (Шарафутдинова 1968). Интересно, что это поселение – одно из самых северных известных для этой культуры в регионе, обладает рядом ярких отличий от основного массива сабаатиновских поселений (в первую очередь, глинобитное домостроительство).

Часто к интерпретации материалов памятника обращались и трипольеведы. Е.К. Черныш писала о памятниках сабаатиновского типа этапа В 1 трипольской культуры (Черныш 1982: 204). Е.В. Цвек рассматривала Сабатиновку I в рамках южно-бугского локального варианта восточнотрипольской культуры (Цвек 1999: 34–35). Поселение неоднократно упоминалось в контексте проблемы контактов трипольцев и степного населения (Мовша 1981: 6–62; Палагута 1998). Попытки же обратиться собственно к отдельным категориям находок из коллекции 1938–1947 гг. были сравнительно малочисленны (Бурдо 2004b; Kiosak 2009; Дзনেладзе 2012; Бурдо, Полищук 2013: 55–60).

2. По-видимому, опечатка. Как известно сейчас, после длительных архивных исследований, впервые материалы трипольской культуры В.В. Хвойка [*Vincent (Vincenc) Castoslav Chvojka* (чеш.)] выявил при своих работах на Кирилловской стоянке в Киеве в 1895 г. Датой представления трипольской культуры широкой научной общественности, скорее всего, следует считать 1899 г., когда раскопанные им трипольские площадки были продемонстрированы участникам XI Археологического съезда в Киеве (Колеснікова 2006: 14–15).

3. Не столь схематичное изложение начальных фаз этой дискуссии, наряду с современным состоянием проблемы (Бурдо 2006; Бурдо 2012; Korvin-Piotrovsky et al. 2012).

4. Скорее всего, имеются в виду работы Т.С. Пассек на поселениях Коломыйщина I и II (Пассек 1938). В целом, столь лапидарное изложение историографии трипольской проблематики ни в коей мере не отражает эрудицию А.В. Добровольского в этом вопросе и, возможно, является вынужденным шагом, связанным с репрессиями 1930-х гг., в которых пострадали и многие трипольеведы. Любопытен в этом контексте историографический обзор Т.С. Пассек (Пассек 1938). Умершие и репрессированные коллеги названы по имени в библиографическом аппарате. Работы репрессированных исследователей также упомянуты, но в ссылке есть лишь название издания и страницы, без фамилий авторов и наименований статей.

5. Современная оценка значения периодизации В.В. Хвойки близка к изложенной А.В. Добровольским (Бурдо 2006).

6. Проблема происхождения трипольской культуры остается дискуссионной. Однако спорными являются скорее отдельные участники процесса ее формирования (вклад буго-днестровской культуры, к примеру), а не основные ее истоки – культуры Боян и линейно-ленточной керамики (Бурдо 2004а).

7. Дальнейшие полевые наблюдения А.В. Добровольского заставили его оставить идею непрерывного накопления седиментов на площади поселения Сабатиновка I. Насыщенность всей черноземной толщи культурными остатками он в дальнейшем связывал с процессами разрушения культурных слоев (Добровольский 1952: 79).

8. Возможно, в этом описании часть сосудов, орнаментированных валиком, представляют собой остатки слоя эпохи поздней бронзы на Сабатиновке I, а не относятся к трипольской культуре (Черняков 1985: 63–64).

9. Этот хронологический ряд, скорее всего, потерял свое значение на сегодня. О современных представлениях касательно соотношения трипольской хронологии и хронологии памятников энеолита Надпорожья см. (Котова 2006).

10. Упомянутые находки, предположительно палеолитического возраста, нашли широкое отражение в популярных изданиях и картах памятников региона (Борисковский, Красковский 1961; Смольянинова 1989).

11. Поселение Сабатиновка II (Бурдо 2004с). Открыто разведкой С.И. Чуба в 1939 г. На самом деле датируется более ранним временем, чем Сабатиновка I – Трипольем А. Стационарно исследовалось Среднебугской экспедицией под руководством М.Л. Макаревича и В.Н. Даниленко в 1947–1949 гг. (Макаревич 1952; Даниленко, Макаревич 1956) С тех пор неоднократно упоминалось в обобщающих работах (Коробкова 1987; Збеневич 1989).

12. Поселение Греновка. Также относится к раннему периоду Триполья. Исследовалось Среднебугской экспедицией под руководством М.Л. Макаревича в 1948 г. (Макаревич 1952).

13. Интересно, что здесь стоянка Мельничная Круча именуется неолитической. В первой публикации подъемного материала с памятника он был определен как аналогичный находкам с Сабатиновки I (Козубовский 1933: 64). Впервые неолитическим он был назван в печати Е.Ю. Кричевским в 1941 г. (Кричевский 1941: 394). Таким образом, А.В. Добровольский также пришел к этому выводу как минимум в то же время.

Сейчас, известно, что стоянка Мельничная Круча – многослойная. На ней представлены находки бронзового века – начала раннего железного века, трипольской культуры этапа VI–VII, самчинская и печерская керамика, кремневые изделия кукрекской культурной традиции (Кюсак, Гаскевич 2011; Гаскевич 2012).

Лодка из Мельничной Кручи ныне хранится в Центральном военно-морском музее (г. Санкт-Петербург). Известно, что она – средневекового времени.

14. Сосуды из окрестностей более не существующего хутора Красное Озеро отнесены к сабатиновской культуре (Черняков 1985: 28–29, 84–85). Как отмечал сам А.В. Добровольский между ней и трипольской культурой этапа VI значительный хронологический разрыв (Добровольский 1952).

Литература

- Борисковский П.И., Красковский В.И. 1961. Памятники древнейшей человеческой культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса.
- Бурдо Н.Б., Полищук Л.Ю. 2013. Трипольская культура // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса.
- Бурдо Н.Б. 2004а. Походження трипільської культури // ЕТЦ. Т. 1. К.
- Бурдо Н.Б. 2004б. Сабатинівка I // ЕТЦ. Т. 2. К.
- Бурдо Н.Б. 2004в. Сабатинівка II // ЕТЦ. Т. 2. К.
- Бурдо Н.Б. 2006. В.В. Хвойко і дослідження трипільської цивілізації // Дослідження трипільської цивілізації у науковій спадщині археолога Вікентія Хвойки. Ч. 2. К.
- Бурдо Н.Б. 2012. Личностный фактор в исследовании трипольского домостроительства // Археология та давня історія України. 9.
- Гаскевич Д.Л. 2012. Мельнична Круча – багаточарова пам'ятка первісної доби на півдні лісостепового Побужжя // Археологія і давня історія України. 8.
- Городцов В.А. 1917. Классификация погребений Одесского кургана (Слободка-Романовка, Красная Слободка) // Отчёт Российского Исторического музея за 1915 год. М.
- Даниленко В.М., Макаревич М.Л. 1956. Дослідження на II Сабатинівському ранньотрипільському поселенні в 1949 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. VI.
- Дзনেладзе О.С. 2012. Орнаментація трипільської кераміки, знаки та їх блоки в її схемах (за пам'ятками сабатинівського типу) // Земледельцы и скотоводы Древней Европы (Проблемы, новые открытия, гипотезы). К.
- Добровольський А.В. 1952. Перше Сабатинівське поселення // Археологічні пам'ятки УРСР. 4.
- Замятнін С.М. 1950. Про характер культурних залишків у печері коло с. Іллінки Одеської області // Археологія. Т. IV.
- Збеневич В.Г. 1989. Ранний этап Трипольской культуры на территории Украины. К.
- Киосак Д., Олейник А., Синельников А. 2012. Новые материалы первого Сабатиновского поселения // Лукомор'я. 4.
- Киосак Д.В., Гаскевич Д.Л. 2011. Неолітична стоянка Мельнична Круча: історія дослідження та проблеми інтерпретації крем'яної колекції // Древнее Причерноморье. IX. Одеса.
- Киосак Д.В., Олійник А., Синельников О. 2012. Керамічна „праска” з поселення Сабатинівка I // Матеріали II-ї міжнародної науково-практичної конференції. Аркасівські читання. МНУ ім. В.О. Сухомлинського. Миколаїв.
- Козубовський Ф.А. 1933. Археологічні дослідження на території БОГЕСу 1930–1932 рр. Підсумки археологічних розвідкових робіт в районі майбутнього підтоплення Бозької гідроелектроцентралі. К.
- Колеснікова В.А. 2006. В.В. Хвойко (1850–1914) // Дослідження трипільської цивілізації у науковій спадщині археолога Вікентія Хвойки. К.
- Коробкова Г.Ф. 1987. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. М.
- Котова Н.С. 2006. Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск.
- Кричевський Є.Ю. 1941. Ранній неоліт і походження трипільської культури // Палеоліт і неоліт України. К.
- Макаревич М.Л. 1952. Середньобузька експедиція по дослідженню пам'яток трипільської культури // АП УРСР. IV.
- Мовша Т.Г. 1981. Проблемы связей Триполья-Кукутени с племенами культур степного ареала // Studia Praehistorica. 5–6.
- Палагута И. 1998. К проблеме связей Триполья-Кукутени с культурами энеолита степной зоны Северного Причерноморья // РА. 1.
- Пассек Т.С. 1938. Исследования трипольской культуры в УССР за 20 лет // ВДИ. 1.

- Пассек Т.С. 1949. Периодизация трипольских поселений (III–II тыс. до н.э.). МИА 10. М.-Л.
- Приказы по Одесскому Археологическому музею. 1941–1943 // ГАОО. Ф. Р-4127. оп. 1, дело 6, л. 1.
- Смірнов С.В. 1973. Палеоліт Дніпровського Надпоріжжя. К.
- Смольянинова С.П. 1989. Карта памятников каменного века степного Побужья. // Станко В.Н., Григорьева Г.В., Швайко Т.Н. Позднепалеолитическое поселение Анеговка II. К.
- Цвек О.В. 1999. Структура східнотрипільської культури // Археологія. 3.
- Черныш Е. К. 1982. Энеолит Правобережной Украины // Энеолит СССР. М.
- Черняков И.Т. 1985. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. К.
- Шарафутдинова И.Н. 1968. К вопросу о сабатиновской культуре // СА. 3.
- Kiosak D. 2009. The Flint Inventory of the Sabatynivka 1 site (Trypillja B1) // Ten Years After: the Neolithic of Balkans as uncovered by the Last Decade of Research. Timisoara.
- Korvin-Piotrovsky A., Chabanyuk V., Shatilo L. 2012. Tripolian house construction: conceptions and experiments // The Tripolian culture giant-settlements in Ukraine. Formation, development and decline. Oxford.
- Passek T. 1935. La ceramique tripolienne. Moscou-Leningrad.

Рис. 1. Вид на «Жовтякову Кручу», участок надпойменной террасы при впадении р. Синица в р. Южный Буг, месторасположение поселения Сабагиновка I с открытым раскопом.

Рис. 2. Вид раскопа 1930-х годов с юго-востока.

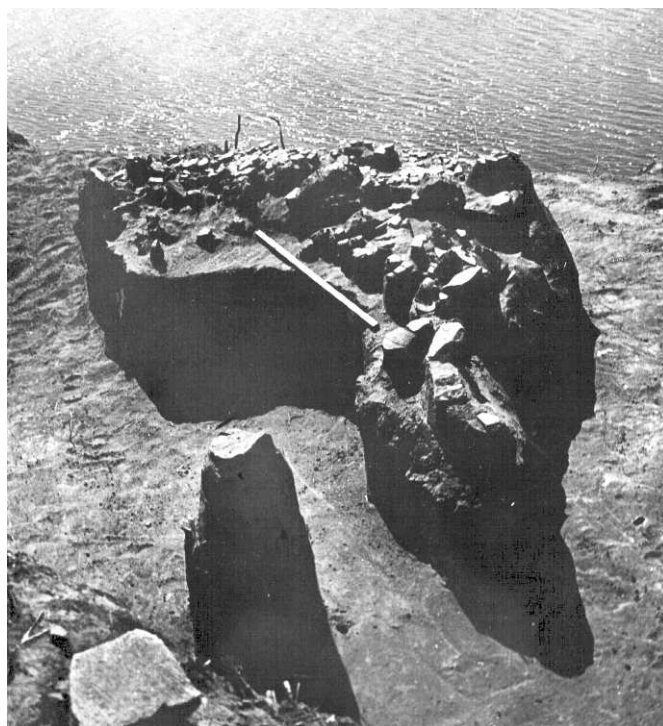

Рис. 3. Остатки площадки.

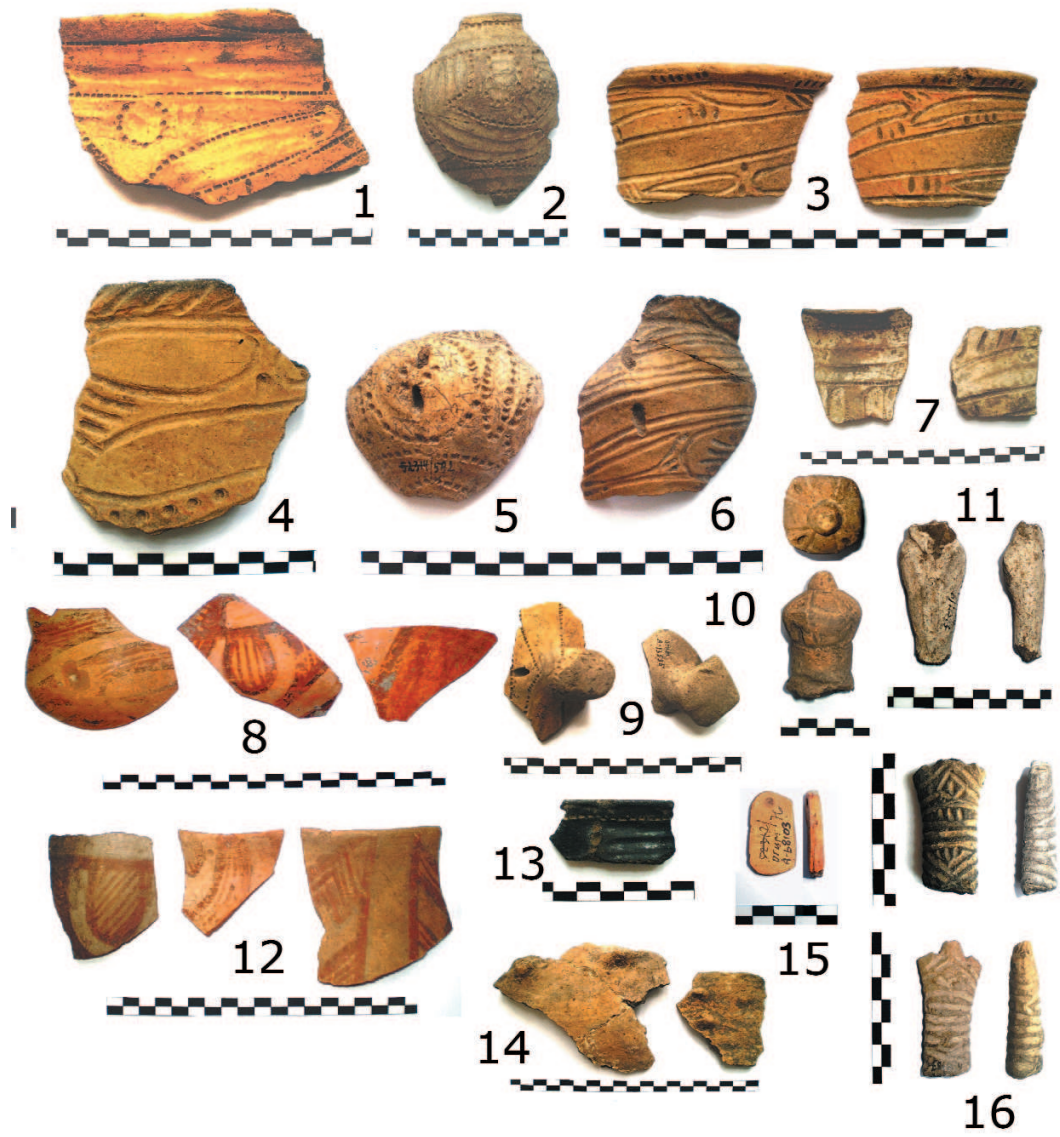

Рис. 4. Керамические находки.

Рис. 5. Изделия из кости и камня.